

УДК 903

Л.Н. Мыльникова¹, Д.В. Папин², А.Б. Шамшин²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mylnikova@archaeology.nsc.ru*²*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656099, Россия
E-mail: niigi@hist.dcn-asu.ru
papin@univer.omsk.su*

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ МЫЛЬНИКОВО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ БРОНЗОВОГО К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЙСКОГО ПРИОБЬЯ*

Введение

Многие вопросы культурогенеза и хронологии памятников переходного периода от бронзового к железному веку на верхней Оби, а также исторической судьбы оставившего их населения являются дискуссионными. С VIII в. до н.э. в культуре населения лесостепного Алтайского Приобья происходили существенные изменения, связанные с миграционными процессами, формированием на ряде сопредельных территорий культур раннескифского облика, а также с внутренней динамикой их развития. Их результатом явилось вовлечение в VI в. до н.э. населения лесостепного Алтая в круг культур скифского типа. Культурно-генетические процессы, развивавшиеся в рассматриваемом регионе в VIII – VI вв. до н.э., отличались сложностью и многообразием. Этим обусловлены трудности их реконструкции. Кроме того, исследователи оперируют далеко не всеми имеющимися сегодня источниками. Зачастую ими не учитывается не только новая, но и полученная ранее информация, что объясняется, в частности, отсутствием публикаций коллекций либо представлением их в тезисном изложении, хотя значительная часть материалов найдена в памятниках, на которых проведены довольно крупные раскопки. Среди этих объектов

следует отметить городища Елбанка, Завьялово I, V, поселения Малый Гоньбинский Кордон 1/3 и ряд других. Особое место в этом списке занимает поселение Мыльниково.

Описание памятника

Поселение Мыльниково находится в 7 км к северу от Барнаула на правом берегу р. Обь (рис. 1) на западной окраине бывшей д. Мыльниково (ныне Мыльниковское садоводство). Оно расположено на краю коренного обского берега и занимает склон, спускающийся к Мыльниковской протоке (старица р. Обь). Уникальность памятника заключается, в частности, в том, что место его расположения в древности не было заселено ни до, ни после его существования, поэтому данный комплекс можно считать эталонным, принадлежащим, несомненно, к большебереченской культуре переходного времени. К сожалению, со временем на месте поселения появилась русская деревня, а затем садоводческое хозяйство, которые сильно повредили древний культурный слой.

Поселение Мыльниково было открыто учителем истории А.Д. Сергеевым* в 1954 г. Он заложил на памятнике раскоп площадью 18 м². Поселение было упомянуто М.П. Грязновым в числе памятников

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 02-01-00335а и № 03-01-00475а).

* **Сергеев А.Д.** Отчет об археологической разведке 1954 года в д. Мыльниковой Барнаульского района Алтайского края (Барнаул, 1954). – Архив ИА РАН. Р. I. № 948.

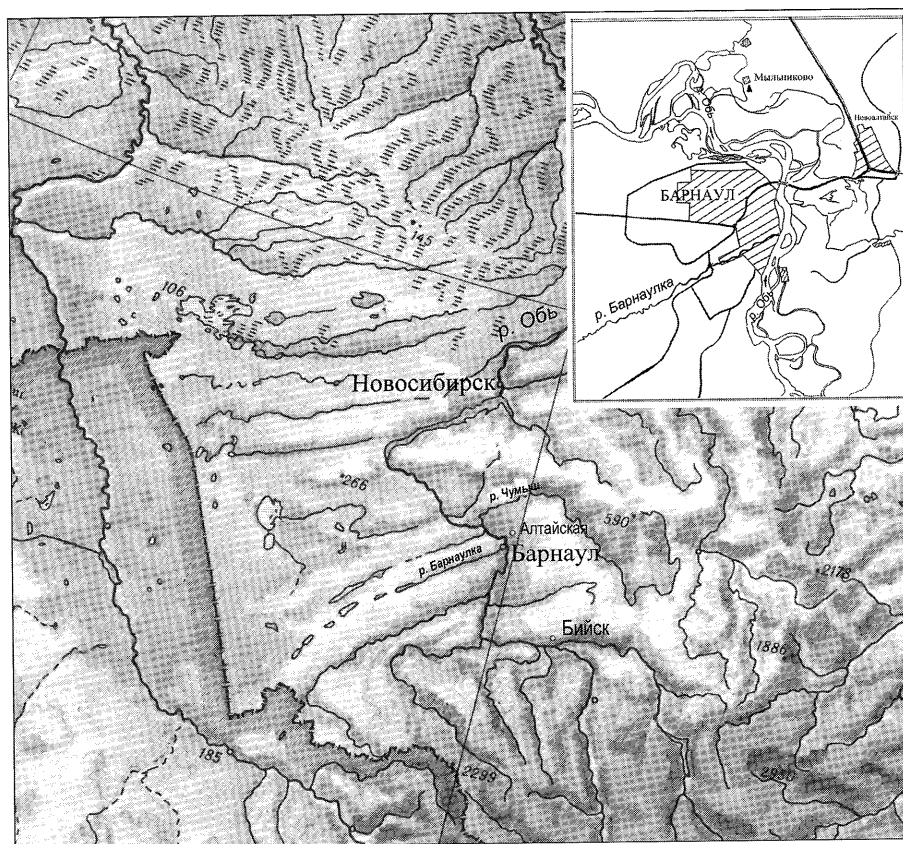

Рис. 1. Карта расположения поселения Мыльниково.

большереченского этапа одноименной культуры [1956, с. 69]. А.Б. Шамшин в 1983 – 1987 гг. ежегодно вел на нем аварийные работы, поскольку планировавшееся создание здесь садоводческого товарищества предполагало застройку памятника и разрушение его культурного слоя садоводами. В ходе работ на трех раскопах была вскрыта территория общей площадью 866 м², т.е. фактически вся сохранившаяся к началу хозяйственного освоения садоводством часть памятника [Шамшин, 1985, с. 250; 1986а, с. 207; 1986б, с. 100 – 101; 1987а, с. 39 – 40; 1987б, с. 294; 1988а, б; 1989; Абдулганеев и др., 1988, с. 206; Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 156, рис. 10, 1 – 4; Матвеев, 1986, с. 61, рис. 1 – 6б; Мжельская, 2002а, б; Папин, Шамшин, 1998]. К сожалению, значительная часть материалов этого представительного, а по ряду параметров уникального комплекса до сих пор не опубликована.

Культурная принадлежность памятника

Оценка материалов поселения Мыльниково менялась с течением времени. Первооткрыватель памятника А.Д. Сергеев в своем отчете никак не определил его хронологическую и культурную принадлежность. М.П. Грязнов поселение датировал VII – VI вв. до н.э.

и связал с большереченским этапом одноименной культуры, который был хорошо им изучен по комплексу памятников на Ближних Елбанах (БЕ I, VII, XII, XIV) [1956, с. 69]. А.В. Матвеев включил поселение Мыльниково в число памятников позднеирменского этапа ирменской культуры [1986, с. 64].

Новое осмысление материалов, полученных в 1980-х гг., было предпринято А.Б. Шамшиным. Сначала он отнес мыльниковский комплекс к особому периоду финальной бронзы, датировал его второй половиной VIII – VII в. до н.э. С точки зрения исследователя, жизнь на поселении продолжалась, видимо, и когда большереченская культура на верхней Оби находилась на большереченском этапе [1986б, с. 102]. Позже А.Б. Шамшин поддержал идею В.А. Могильниковой о выделении большереченской как самостоятельной культуры переходного времени. По мнению А.Б. Шамшина, она включала ранний мыльниковский (вторая половина VIII – VII в. до н.э.) и поздний ближнеелбанский (VII – VI вв. до н.э.) этапы [1988в, с. 113 – 114; 1989, с. 119, 121]. Исследователь дал обобщающую характеристику культуры, определил ее хронологию, внутреннюю периодизацию и место в кругу одновременных образований переходного времени [Шамшин, 1988а, б; 1989].

Д.В. Папин и А.Б. Шамшин [1998] предложили культурную и хронологическую характеристику известных памятников переходного периода, провели детальный анализ имеющихся материалов, реконструировали хозяйственную деятельность населения, наиболее полно на сегодняшний день опубликовали керамический комплекс поселения Мыльниково. Т.В. Мжельская изучила керамический комплекс поселения Мыльниково, выделила его декоративно-морфологические типы и сопоставила керамику данного памятника и городища переходного времени Завьялово V в Новосибирском Приобье [2002а, б]. Таким образом, в настоящее время имеется целый ряд работ, в которых рассматриваются материалы поселения Мыльниково, однако детальный анализ керамического комплекса памятника, прежде всего его технологической составляющей, до сих пор не проведен.

Датирующие материалы

На поселении была собрана коллекция датирующих вещей.

Двухлопастной листовидный черешковый бронзовый наконечник стрелы (рис. 2, 8). А.М. Кулемзин, анализируя тагарские двухлопастные черешковые наконечники стрел, определил, что листовидные по типу близки к треугольным с плечиками IV – III вв. до н.э. [1976, с. 43 – 56]. Они, по мнению исследователя, попали в Сибирь из Средней Азии, где появились в конце II тыс. до н.э. [Там же, с. 49, 52]. Согласно классификации Н.Л. Членовой, двухлопастные листовидные наконечники бывают только втульчатые, из которых крупные плоские наконечники, по форме близкие находке из Мыльниково, отнесены к числу до-тагарских [1967, табл. 12, 7]. Они датированы исследовательницей VII, VII – началом VI в. до н.э. [Там же, с. 41]. Очень похожие по форме на мыльниковские наконечники найдены в Центральном Казахстане в могильнике Айшрак [Маргулан и др., 1966, табл. I; VI, 2; Маргулан, 1979, рис. 227, 12], а также на поселении бегазы-дандыбаевской культуры X – VIII вв. до н.э. Шортанды-Булак [Маргулан, 1979, рис. 161, 8; 227, 11]. С периодом поздней бронзы (XIII/XII – VIII вв. до н.э.) связывает существование двухлопастных листовидных черешковых наконечников стрел Г.Е. Иванов [1995]. Таким образом, рассмотренный нами тип наконечника стрел, по-видимому, для лесостепного Алтая следует датировать VIII в. до н.э.

Двухлопастные асимметрично- и симметрично-ромбические втульчатые бронзовые наконечники стрел (4 экз.). Представляют собой изделия с выступающей втулкой и пером, доходящим до ее нижнего края (рис. 2, 9 – 12). Круг аналогов им чрезвычайно широк. Наиболее древние наконечники подобного

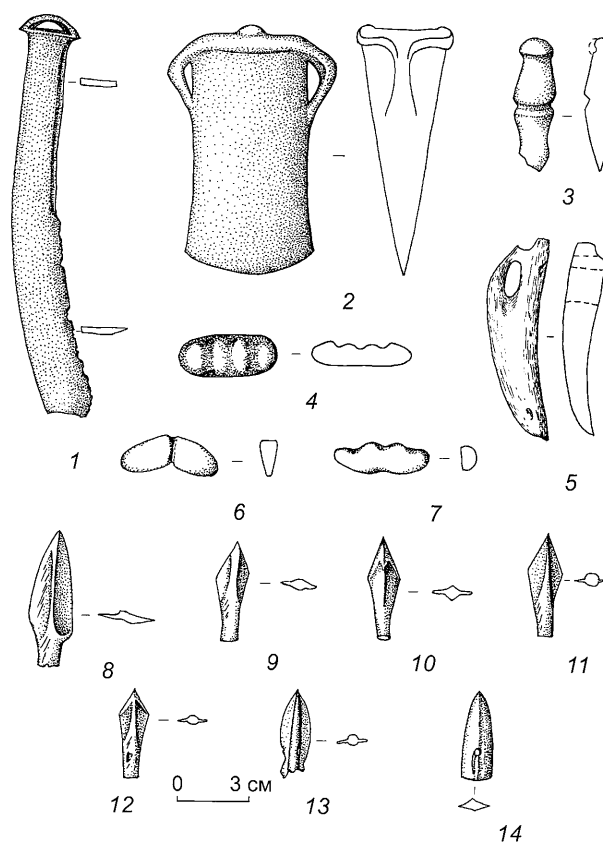

Рис. 2. Датирующие вещи с поселения Мыльниково.

1, 2, 8 – 14 – бронза; 3 – камень; 4 – 7 – кость.

типа в Сибири найдены в кургане Аржан [Грязнов, 1980, рис. 12, 8]. Н.Л. Членова датирует подобный тип для тагарской культуры VII – VI вв. до н.э. [1967, с. 46], к этому же времени относит их А.М. Кулемзин [1976, с. 52]. В районах Поволжья симметрично-ромбические наконечники были распространены в VII – V вв. до н.э., а асимметрично-ромбические – в VII – VI вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 110, рис. 11, Б4, Е9]. В Западной Сибири эти изделия представлены в культурах переходного времени от бронзы к железу: завьяловской – поселение Завьялово V [Троицкая, Зах, Сидоров, 1989, с. 103 – 116, рис. 1, 14, 15], красно-озерской – поселение Новотроицк-1 [Труфанов, 1994, с. 57 – 77, рис. 7, 9], Инберень VI [Членова, 1994, рис. 8, 9], а также в большереченском могильнике Ближние Елбаны VII [Грязнов, 1956, табл. XVIII, 4] и в раннескифских комплексах Горного Алтая [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 82, рис. 52, 6, 8, 10; 60, 8 – 10, 14]. Г.Е. Иванов считает, что периодом наибольшего распространения наконечников подобного типа в Сибири является вторая половина VIII – VII вв. до н.э., но на Алтае, учитывая дату комплекса Боровое III [Абдулганеев, 1993, с. 55, рис. 3], – вторая половина VIII – VI в. до н.э. [Иванов, 1993, с. 57].

Втульчатые двухлопастные листовидные наконечники с выступающей втулкой (2 экз.; рис. 2, 13). Имеют широкий круг аналогов. Изделия этого типа К.Ф. Смирнов датирует в Поволжье VI – началом V в. до н.э. [1961, с. 38 – 44], А.М. Кулемзин в комплексах тагарской культуры – VI – IV вв. до н.э. [1976, с. 45]. Наконечники подобной формы зафиксированы в материалах бегазы-дандыбаевской культуры [Маргулан, 1979, рис. 227, 10, 14, 17], широко распространены в памятниках культур валиковой керамики поздней бронзы на территории Казахстана, где датируются IX – VIII вв. до н.э. [Арсланова, 1983, с. 124, рис. 1, 11, 13, 15, 16, 38], встречаются в раннескифских памятниках Горного Алтая [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 82, рис. 58, 9; 59, 13; 60, 13]. Они известны в культурах переходного времени от бронзы к железу: завьяловской (поселение Линево-1) [Троицкая, Зах, Сидоров, 1989, с. 104, рис. 1, 27] и красноозерской (поселение Инберень VI) [Членова, 1994, рис. 8; 9, 3]. Г.Е. Иванов датирует наконечники этого типа, найденные в лесостепном Алтае, VIII – VI вв. до н.э. [1993, с. 57].

Бронзовый наконечник стрелы лавролистной формы, ромбический в сечении, с обрезанной втулкой. Найден в составе колчанного набора вместе с 45 костяными наконечниками стрел (рис. 2, 14). Похожий наконечник обнаружен в кург. 84 могильника Уйгарак в Средней Азии [Вишневская, 1973, с. 91, табл. XX, 11]. С.В. Киселев изделия этого типа из Южной Сибири датировал VII – VI вв. до н.э. [1951, табл. XXVI]. Исходя из сказанного, наконечник из поселения Мыльниково можно датировать VII – VI вв. до н.э.

Двуушковый кельт. Крупный по размерам, с ушками, переходящими в валик, который опоясывает край втулки (рис. 2, 2). По классификации М.П. Грязнова, подобные изделия относятся к III типу – “кельты с ушками у края втулки”, которые восходят к карасукским, а через них к сейминским. Они, по мнению исследователя, бытовали в VII – VI вв. до н.э. [Грязнов, 1941, с. 248, табл. I, 7; V]. Однако, учитывая корректировку взглядов М.П. Грязнова на дату начала раннего железного века после раскопок кургана Аржан, временем бытования этих изделий следует считать VIII – VII вв. до н.э. Двуушковые кельты широко распространены за пределами Сибири. В.А. Городцов отнес их к числу специфических киммерийских форм и датировал XI – VIII вв. до н.э. [1928, с. 54 – 56]. С точки зрения Е.Е. Кузьминой, двуушковые кельты восходят к предскифским комплексам и датируются позднебронзовым временем [1966, с. 21]. Особенно поздних кельтов, по мнению Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, является валик на устье втулки [1989, с. 38]. А.В. Збруевой опубликованы кельты данного типа, найденные на предананьинских памятниках [1952, с. 55, рис. 19, 6]. Наиболее близким аналогом изделию

с поселения Мыльниково является находка с памятника Большой Лог, которую авторы раскопок датировали X – VIII вв. до н.э. [Генинг и др., 1970, с. 47]. Н.Л. Членова, рассматривая памятники переходного времени от бронзы к железу Западной Сибири, отнесла двуушковый кельт с валиком на устье втулки из Большого Лога к VIII – VII вв. до н.э. [1994, с. 71]. Г.Е. Иванов датировал изделия подобного типа VIII – VI вв. до н.э. [1995, с. 21]. На наш взгляд, наиболее приемлема дата VIII – VII вв. до н.э.

Нож с дугообразным навершием – “с аркой на кронштейне” (рис. 2, 1). Подобные изделия подробно рассмотрены Н.Л. Членовой и отнесены к переходному типу карасуко-тагарских ножей. Такие ножи были широко распространены в Сибири, Казахстане и на других территориях в VIII – VII вв. до н.э. [Членова, 1972, с. 124 – 126, табл. 57]. Их серия зафиксирована в Минусинской котловине [Там же, табл. 57, 28, 38]. Наиболее точными аналогами мыльниковской находке являются ножи из закрытых комплексов: Зевакинского могильника, датированного Ф.Х. Арслановой VIII – VII вв. до н.э. [1974, табл. III, 1 – 3], Томского могильника [Комарова, 1952, рис. 17, 9; 20, 7], могильника Преображенка III [Молодин, 1985, рис. 63, 1], а также городища Чича-1 [Там же, рис. 84, 5; Молодин, Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Бекер и др., 2001, рис. 3, 1; Молодин, Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Гришин и др., 2001, рис. 16, 3]. Нож из Мыльниково можно уверенно датировать VIII – VII вв. до н.э.

Трехжелобчатая бляшка-застежка (4 экз.; рис. 2, 3, 4, 6, 7). Самые древние образцы датируются VIII в. до н.э. Подобные изделия “доживают” во всех культурах скифо-сибирского мира до V в. до н.э. [Кубарев, 1990, с. 55, рис. 12, 2 – 4; 16, 3; Членова, 1997, с. 36]. В Верхнем Приобье такие бляшки встречены только в памятниках переходного времени от бронзы к железу: в грунтовых могильниках Ближние Елбаны VII, XII [Грязнов, 1956, табл. XIX, 1, 10; XXI, 8 – 11], на поселении Завьялово-1 [Троицкая, 1968, рис. 46]. При рассмотрении подобных изделий Н.Л. Членова приводит им круг аналогов VIII – VI вв. до н.э. [1997, с. 36].

Обломки трехдырчатых псалиев (2 экз.; рис. 2, 5). Аналоги трехдырчатым псалиям широко известны в раннескифских комплексах на Алтае и на сопредельных территориях [Вишневская, 1973, табл. XXVI; Грязнов, 1980, с. 64 – 75, рис. 35 – 38; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 12 – 13]. Традиционно изделия этого типа датируются (IX) VIII – VI вв. до н.э. [Грязнов, 1992, с. 165; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 75; Марсадалов и др., 1996, с. 24 – 32]. Находки с Елбанки с учетом их конструктивных особенностей А.А. Тишкин предположительно относит к VIII – VII или IX – VII вв. до н.э. [Тишкин, Медникова, 1993, с. 136]. Н.А. Боковенко в связи с разработкой типологии конского снаряжения

Саяно-Алтая отмечает появление роговых изогнутых трехдырчатых псалиев в конце II тыс. до н.э., а на начальном этапе культуры ранних кочевников (VII – VII вв. до н.э., возможно, IX – VII вв. до н.э.) – тенденцию к смещению отверстий к центру псалия [1986, с. 17 – 18], которая нашла отражение в изделиях из Мыльниково. Таким образом, все датирующие вещи с поселения укладываются в промежуток между VIII и VI вв. до н.э. Обратим внимание на тот факт, что ряд изделий – кельт, нож, черешковый листовидный наконечник стрелы – имеет более узкую хронологическую привязку – VIII – VII вв. до н.э.

Анализ керамических материалов

Керамический комплекс поселения Мыльниково насчитывает несколько тысяч фрагментов более чем 2 170 сосудов. В настоящее время это одна из крупнейших коллекций, датируемых переходным временем от бронзового к раннему железному веку на юге Западной Сибири. В отличие от большинства поселенческих комплексов, представленных фрагментированными материалами, в Мыльниково обнаружено относительно большое количество целых, археологически целых и крупных сосудов, что позволяет реконструировать основные типы керамики.

Гончары поселения Мыльниково использовали несколько сортов исходного материала (1 – глину и суглинки гидрослюда монтмориллонитового состава; 2 – суглинки монтмориллонитгидрослюдистого типа; 3 – глины, гидрослюдахлоритового типа) с примесью пылеватого или мелкоалевритового обломочного материала (преимущественно кварцевого) (табл. 1).

На материалах поселения зафиксировано несколько рецептов формовочных масс: Г + Ш + П + О; Г + Ш + П; Г + Ш; Г + Ш + По (рис. 3).

Песок. Для идентификации искусственного характера песка в формовочных массах основными критериями служат: 1) размерный показатель частиц, превышающий 0,1 мм; 2) равномерность распределения примеси в теле черепка; 3) наличие четкой текстурной границы между песком цемента (первый размерный ранг) и псаммитовым материалом примесей (второй размерный ранг); 4) значительная концентрация примеси [Бобринский, 1978, с. 108; Magetti, 1982, с. 130 – 131].

Керамика с поселения Мыльниково изготовлена из пойменных глин и суглинков, следовательно, сырье изначально содержало большое количество песка. Как показал анализ шлифов, песок имеет размер от 0,05 до 0,7 мм, его содержание в образцах равняется 5 – 45%, хотя преобладающим можно считать показатель 15 – 25%, представлен обломками полуокатанной, окатанной, угловатой формы. Если в образцах зафиксировано сочетание признаков (концентрация

от 20% и более, преобладание среднезернистого размерного ранга (0,2 – 0,5 мм)), мы склонны диагностировать песок как искусственную добавку.

Петрографический анализ керамики выявил, что ведущими разновидностями минералов, входящих в состав исходного сырья, являются кварц и полевые шпаты, реже отмечаются микрокварциты, кремни, слюдиисто-кремнистые сланцы, единично – кислые эффузивы, слюда, глинисто-слюдистые обломки, эпидот, циркон, роговая обманка.

Шамот представлен зернами неправильной, удлиненной, таблитчатой, угловатой формы. Часто фиксируется наличие в шамоте песка. Размер обломков 0,1 – 2,5 мм, концентрация от 5 до 30%.

Органика. В некоторых образцах отмечены образования округлой формы красновато-коричневого или бурого цвета фосфатного состава, а также мелкие карбонатизированные обломки круглой формы. Следы органики четко читаются и в свежих изломах черепков при бинокулярном исследовании. Включения предварительно определяются как гуано.

Породные обломки. В одном из 11 образцов петрографы зафиксировали наличие дробленой породы, представленной кварцем и полевыми шпатами (зерна свежие и интенсивно серицитизированные), обломками микрогранитов, кремнистых пород, слюдистых и кремнисто-слюдистых сланцев, микрокварцитов. Эти включения занимали 57% площади шлифа. Подчеркнем, что на анализируемом образце орнамент нанесен крестовым штампом. При бинокулярном исследовании в образцах с крестовой орнаментацией также было зафиксировано наличие дробленой породы, но это очень редкий рецепт формовочных масс.

Таким образом, по составу формовочные массы керамики поселения Мыльниково относятся к категории смешанных. Причем, рецепт Г + Ш встречается очень редко. Ведущим наполнителем во всех образцах является шамот. Поэтому традицию составления формовочных масс можно назвать шамотной. Следует подчеркнуть, что на данном поселении фиксируется и другая традиция, основанная на применении песка и, что особенно важно, дробленой породы, характерная, хотя и не в чистом виде, для керамики таежной зоны Сибири.

Предметы из глины на поселении Мыльниково делали по разным технологиям, установлено использование нескольких способов оформления начинки и возведения тела сосудов. В коллекции присутствует как кругло-, так и плоскодонная посуда. Для изготовления круглодонных форм использовалась емкостная программа – сначала изготавливалось тулово. Донные части круглодонных сосудов формовались на основе невысоких чашечек жгутовым (преобладает) или лоскутным способом (рис. 4, 5).

Таблица 1. Результаты петрографического анализа образцов керамики поселения Мыльниково

№ образца, шифр	Составляющие ФМ	Состав цемента	Песок			Шамот		Трещины, % от площади шлифа
			Преобладающий размер, мм	% от площади шлифа	Состав	Размер, мм	% от площади шлифа	
М – 2 ПМ-З 14/5	Г + Ш + П + О	Глина монтмориллонитового типа с небольшой примесью гидрослюда	0,08 – 0,5 0,15 – 0,3	18	КВ, ПШ, обломки микрокварцитов, кремни, слюдисто-кремнистые сланцы; единично – обломки кислых эффузивов, слюда	0,3 – 1,5	10	3
М – 5 ПМ-К 10/8	Г + Ш + П	Суглинок тяжелый, гидрослюда монтмориллонитового состава	0,1 – 0,25	5	КВ, ПШ; реже – кремнистые и глинисто-слюдистые обломки; единично – обломки эпидота, слюды (биотита), циркона	0,1 – 1,5	25	Менее 1
М – 6 ПМ-Б У/14	Г + Ш + П	Суглинок средний, монтмориллонитгидрослюдистого состава	0,05 – 0,65 0,06 – 0,15	18 – 20	КВ, ПШ; реже – обломки микрокварцита, слюдисто-кремнистые сланцы; единично – роговая обманка, бесцветная и зеленая слюда, эпидот, ромбический пироксен	0,3 – 0,7	12	5 – 8
М – 8 ПМ-Б 12/4	Г + Ш + П + О	Глина гидрослюда хлоритовая	0,05 – 0,7 0,1 – 0,25	23 – 25	КВ, ПШ, обломки микрокварцита, кремни; реже – слюдисто-кремнистые сланцы; единично – обломки эффузивов, бесцветная и зеленоватая слюда, эпидот	0,1 – 1,0	12 – 15	10
М – 16 ПМ	Г + Ш + П	Суглинок легкий, монтмориллонитгидрослюдистого состава	0,05 – 0,5 0,08 – 0,15	10 – 12	КВ; реже – измененные полевые шпаты, обломки микрокварцита, кремнистые обломки, слюдисто-кремнистые сланцы; единично – слюда, эпидот	0,3 – 1,6	25	1 – 2
М – 17 ПМ-Г 12/4	Г + Ш + П	Глина монтмориллонитгидрослюдистая	0,1 – 0,4	15	КВ, ПШ; редко – кремнистые, слюдисто-кремнистые, глинистые обломки, микрокварциты, эффузивы кислого состава; единично – обломки эпидота, слюды	0,1 – 2,0	30	?
М – 18 М-р. III, В 1/6	Г + По + Ш	Суглинок легкий, гидрослюда монтмориллонитового состава	0,1 – 0,3	57	КВ, ПШ (зерна свежие и интенсивно серицитизированные, эпидотизированные); реже – обломки микрогранитов, кремнистых пород, слюдистых и кремнисто-слюдистых сланцев, микрокварцитов; реже – зерна эпидота, анатаза, рудного минерала, пластинки бесцветной слюды	0,1 – 1,0	5	3
М – 19 М-р. III, Г 1/6	Г + Ш + П + О	Суглинок средний, гидрослюда монтмориллонитового состава	0,05 – 0,25 0,1 – 0,2	20 – 25	КВ, ПШ; реже – обломки микрокварцита, слюдисто-кремнистые сланцы; единично – бесцветная и зеленоватая слюда, эпидот	0,25 – 1,2	15	1 – 2
М – 20 ПМ-А 15/2	То же	Суглинок легкий, гидрослюда монтмориллонитового состава	0,1 – 0,3	30	КВ, ПШ; реже – обломки микрокварцитов, кремнисто-слюдистые сланцы, бесцветная слюда и биотит, анатаз, эпидот	0,1 – 2,0	22	3
М – 21 ПМ-р. III R 1/5	Г + Ш + П	Суглинок средний, монтмориллонитгидрослюдистого состава	0,1 – 0,35	45	КВ, ПШ; редко – кремнистые обломки, микрокварциты, кремнисто-слюдистые сланцы, основная масса кислых эффузивов, обломки эпидота, слюды	0,25 – 2,5	5	Менее 1
М – 28 ПМ-У 10/7 бровка	Г + Ш + П + О	Глина монтмориллонитгидрослюдистая	0,05 – 0,5 0,1 – 0,3	40	КВ; реже – ПШ, обломки микрокварцитов, кремнистых пород, слюдисто-кремнистые сланцы; меньше – бесцветная и зеленоватая слюда; единично – эпидот	0,35 – 1,8	15	5 – 8

Примечание. ФМ – формовочные массы, Г – глина, Ш – шамот, П – песок, О – органика, КВ – кварц, ПШ – полевой шпат, По – породные обломки.

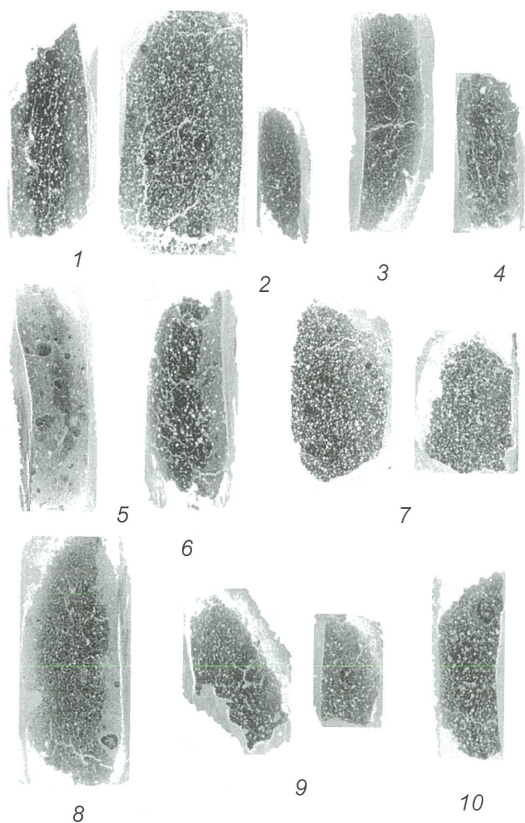

Рис. 3. Петрографические шлифы керамики с поселения Мыльниково.

1 – № М-2; 2 – № М-5; 3 – № М-6; 4 – № М-8; 5 – № М-16; 6 – № М-17; 7 – № М-18; 8 – № М-19; 9 – № М-20; 10 – № М-21.

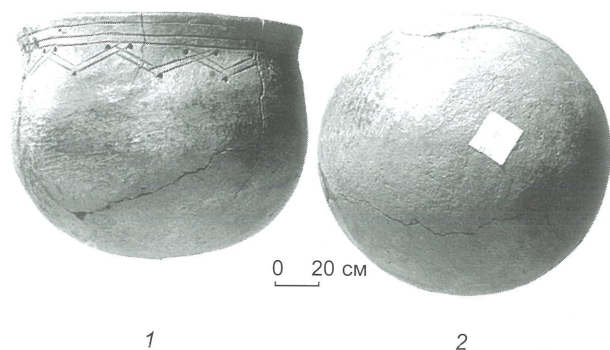

Рис. 4. Круглодонный сосуд с поселения Мыльниково (емкостная программа изготовления).

1 – внешняя поверхность сосуда; 2 – донная часть.

Большинство плоскодонных сосудов демонстрирует донные начини. Формовка сосуда осуществлялась на основе дна – лепешки (рис. 6). Лепешка изготавливалась из жгута, навитого по кругу от периметра к центру (итогом являлось доннышко, приподнятое в средней части). В нескольких случаях отмечено формирование лепешки на основе лоскутного налепа, а в трех – сложное дно, состоящее из двух тонких лепешек.

1

2

Рис. 5. Круглодонный сосуд с поселения Мыльниково (емкостная программа изготовления).

1 – внешняя поверхность сосуда, 2 – придонная часть.

Зафиксировано несколько способов соединения дна с туловом.

1. Нижняя лента-жгут ставилась на лепешку; в таком случае на внутренней поверхности доннышка четко читается канавка по периметру лепешки (рис. 7). Изнутри соединение осуществлялось перегонкой глины с ленты на дно, а снаружи – с дна на ленту. Поэтому у большинства сосудов и снаружи, и внутри пере-

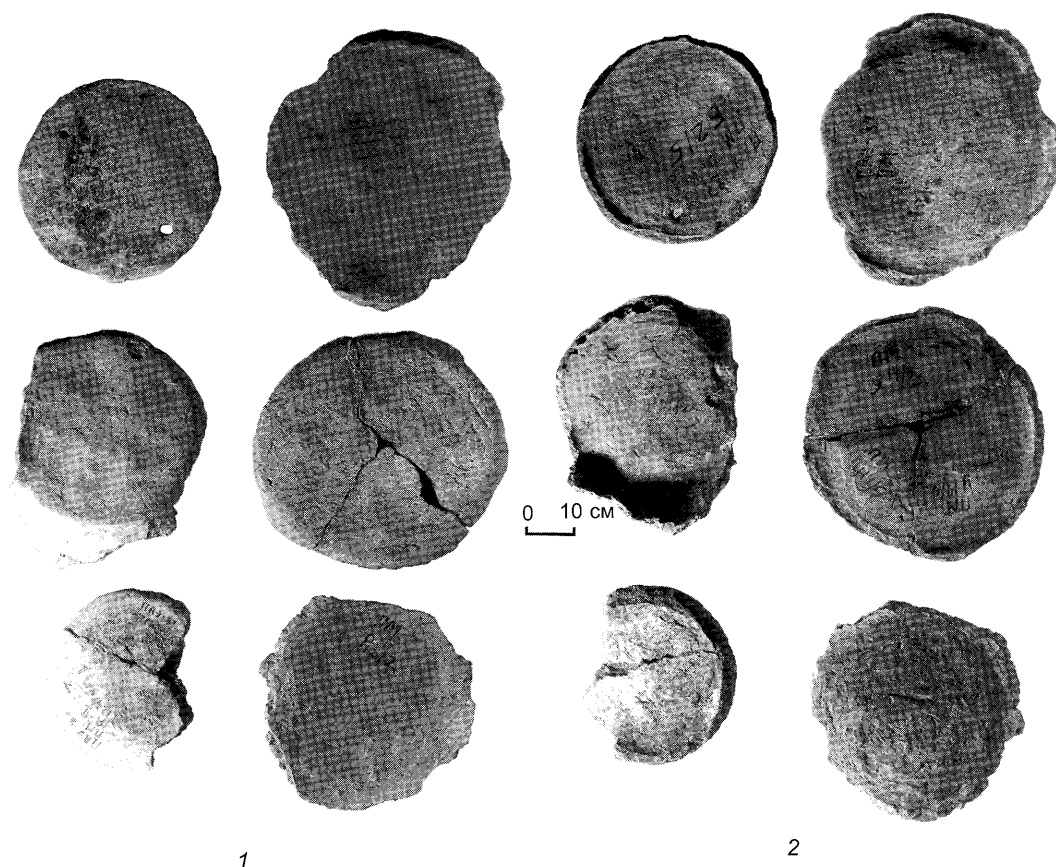

Рис. 6. Доньшки сосудов с поселения Мыльниково. Образцы доньшек-лепешек.
1 – внешние поверхности, 2 – внутренние.

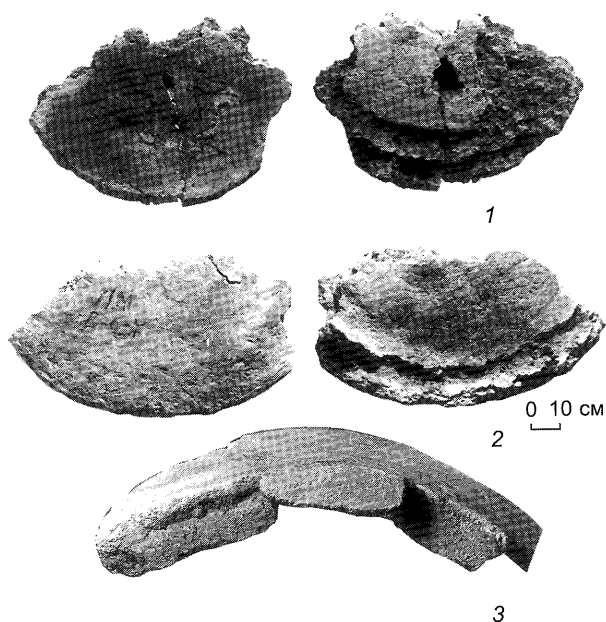

Рис. 7. Доньшки сосудов с поселения Мыльниково.
Образцы соединения дна и нижней ленты.

ход дна в стенку округлый. Имеются доньшки с небольшим бортиком (рис. 8).

2. Первая лента-жгут приставлялась к доньшку и опоясывала его по периметру. Снаружи глина перегонялась со стенки на дно, а изнутри – с дна на стенку. Поэтому часто визуальнo фиксируются донные валики. В ряде случаев на их границе, параллельной периметру дна, прослеживается неглубокая “канавка”, маркирующая границу примазки внешней поверхности стенки к днищу сосуда (рис. 9, 10).

Сосуды формировались снизу вверх, от днища к устью, о чем свидетельствуют как позитивы-негативы лент, так и толщина днищ, которая равна или больше толщины стенок придонных частей сосудов. Принцип формовки емкостей не поддается точной диагностике. Во всех определяемых случаях использованы нетолстые жгуты (до 1,5 см, редко – 2 см в диаметре), довольно тщательно расформованные, с нахлестом не более 1/3 высоты; видимо, основой был не жгут, а скорее лента-жгут (рис. 11 – 13). На некоторых сосудах хорошо фиксируется ленточный способ формовки тулова. Горловины, как правило, изготовлены из одной ленты высотой от 1,5 до 3 см.

Рис. 8. Плоскодонный сосуд с поселения Мыльниково. Образец донного начина.
1 – внешняя поверхность, 2 – донная часть (образец формовки на мягкой основе), 3 – внутренняя поверхность.

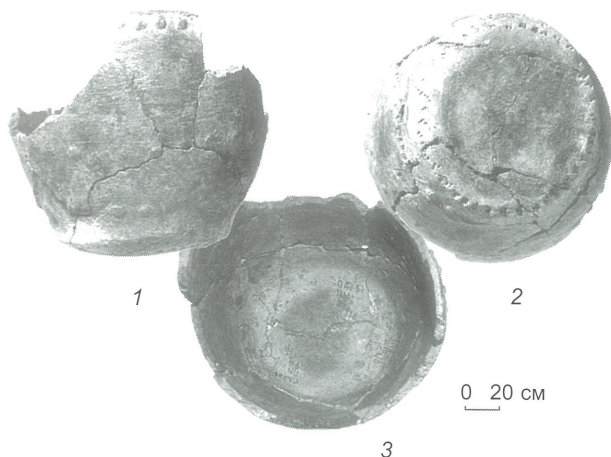
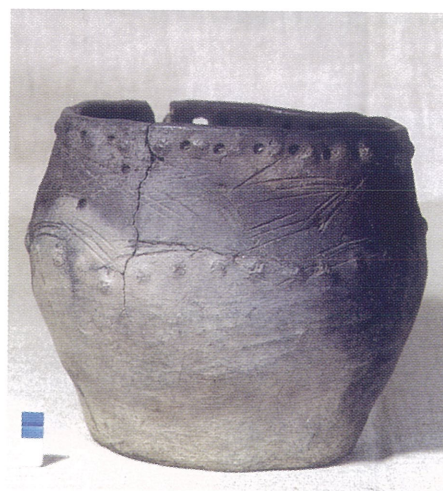

Рис. 9. Плоскодонный сосуд с поселения Мыльниково.
Образец донного начина.

1 – внешняя поверхность, 2 – донная часть со следами лопатки;
3 – внутренняя поверхность.

Сосуды формовались на плоскости (рис. 14). Несмотря на то, что донышки, как правило, заглажены и даже подлощены, на их внешней стороне имеются следы соприкосновения с твердой поверхностью, с которой они снимались с помощью лопатки (см. рис. 9, 10). Зачастую использовалась подсыпка (см. рис. 13). Несколько сосудов сформовано не на твердой, а на мягкой основе (см. рис. 8).

Поверхность сосудов хорошо заглажена и нередко подлощена. Заглаживание производилось обычно твердым инструментом с неровным рабочим краем (типа щепы), следы которого фиксируются в виде разных по направлению, глубине, ширине и форме бороздок, резких штрихов и т.п., а также лопаткой с ровным краем шириной ок. 1,5 см. Однако подоб-

1

2

Рис. 10. Плоскодонный сосуд с поселения Мыльниково.
Образец донного начина.

1 – внешняя поверхность, 2 – донная часть
со следами деревянной лопатки.

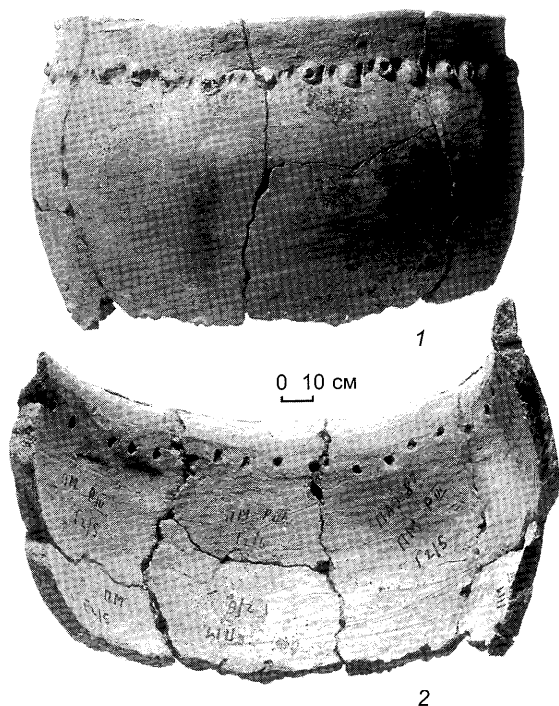

Рис. 11. Образец соединения лент-жгутов.
1 – внешняя поверхность сосуда; 2 – внутренняя поверхность.

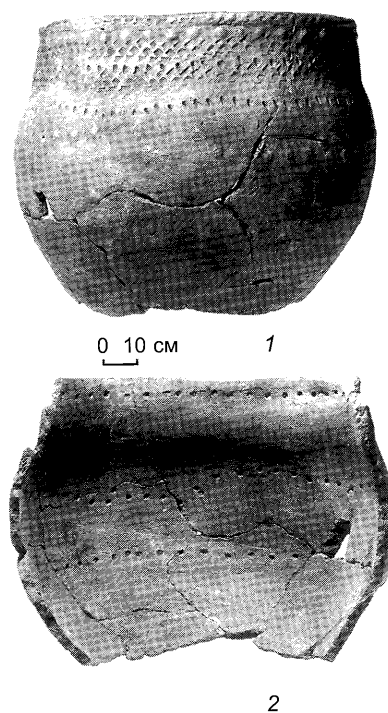

Рис. 12. Образец соединения лент-жгутов.
1 – внешняя поверхность сосуда; 2 – внутренняя поверхность.

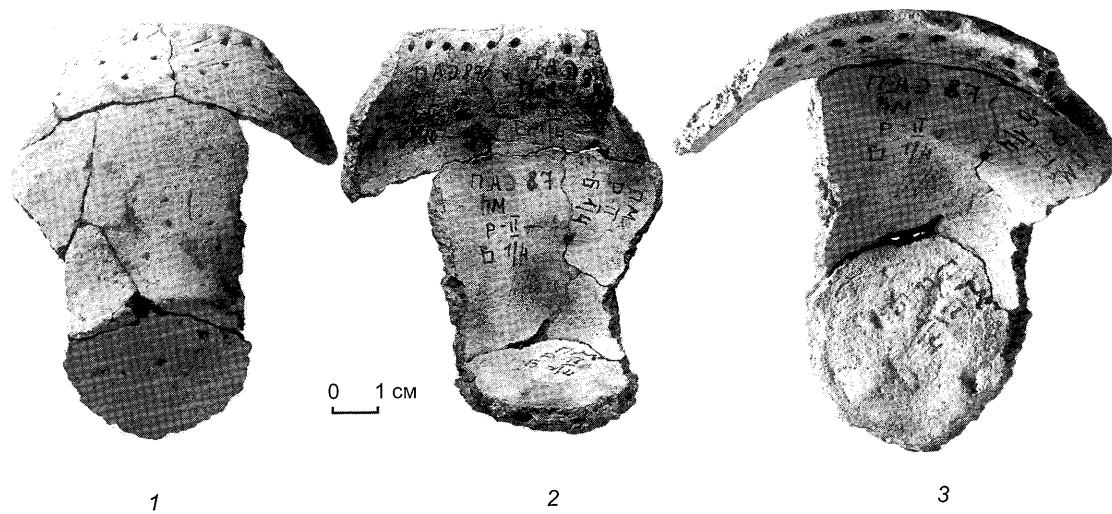

Рис. 13. Плоскодонный сосуд с поселения Мыльниково. Образец донного начина.
1 – внешняя поверхность сосуда со следами подсыпки на дне; 2 – внутренняя поверхность со следами обработки, 3 – образец со следами соединения дна и тулова.

ные следы отмечены на единичных экземплярах, поскольку сосуды подвергались дальнейшей обработке, включавшей в себя заглаживание-полировку поверхностей чем-то гладким (чаще – руками) и лощение твердым орудием с гладкой рабочей поверх-

ностью. Лощилась внутренняя поверхность 30% сосудов, однако чаще всего изнутри стенки лишь заглаживались. Снаружи лощение производилось уже по орнаментированной поверхности (лощенные орнаментированные сосуды составляют 90%) (см. рис. 14).

1

2

Рис. 14. Плоскодонный сосуд с поселения Мыльниково. Образец формовки на твердой поверхности.
1 – внешняя поверхность со следами лощения, 2 – донная часть.

Исходя из характеристики технико-технологических особенностей изделий, можно сделать вывод, что керамический комплекс поселения Мыльниково формировался с участием, по крайней мере, трех компонентов. Ирменский компонент прослеживается в шмотной рецептуре формовочных масс, способах формовки круглодонных сосудов, ленточной технике формовки емкостей и приеме лощения поверхностей сосудов по орнаменту. Данный компонент находит аналоги в памятниках переходного времени от бронзового к железному веку Барабы [Молодин, Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Гришин и др., 2001, с. 149 – 150; Мыльникова, Чемякина, 2002]. Корчажковский компонент проявляется в использовании лоскутного налета и преобладании ленты-жгута. Керамика с породными обломками в формовочных массах отражает наличие третьего, “северного”, компонента.

По оформлению дна сосуда делятся на две группы: плоско- и круглодонные. Группа плоскодонных включает изделия таких типов, как горшки, кувшины, банки. К группе круглодонных относятся полусферические миски с прямым венчиком и небольшие профилированные сосуды. Основой для выделения типов керамических изделий* послужила программа В.Ф. Генинга [1973, 1992], в ней учитываются высотно-горловинный указатель (ФБ), высотный указатель тулова (ФД) и высотный указатель плечика (ФЕ). Указатель ФД определяет общую профилировку линии тулова сосуда через отношение суммы высот плечика и придонной части к наибольшему диаметру тулова. Его интервальные группы для горшков нахо-

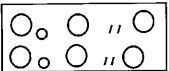
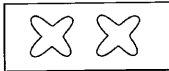
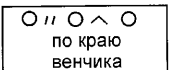
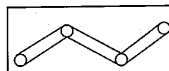
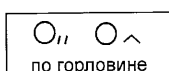
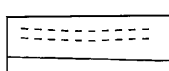
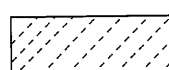
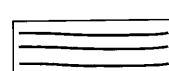
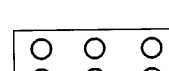
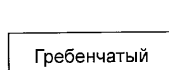
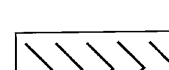
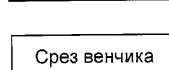
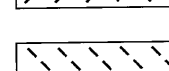
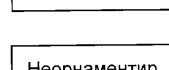
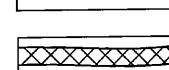
дятся в абсолютных величинах в пределах от 0,4 до 1,6. Сосуды, у которых указатель ФЕ (отношение высоты плечика к придонной части) меньше 0,4, а наибольший диаметр тулова в 2,5 раза больше высоты сосуда, будут относиться к категории мисок, а с указателем ФЕ более 1,7 и наибольшим диаметром, который вдвое уступает общей высоте, – к кувшинам. Указатель ФБ определяет высоту горловины по отношению к ее диаметру, если у сосуда высота шейки сосуда в 2 раза меньше диаметра ее основания, то он относится к горшкам, а если больше чем 0,5 – к кувшинам.

Основанием для выделения подтипов является профилировка шейки сосуда, которая определяется по ее отгибу от своего основания (ФГ): выделены горшки слабо-, сильнопрофилированные, с выгнутой наружу (“молчановский”) горловиной и с прямым венчиком (переходный к банкам). Банки делятся на открытые и закрытые. Количественно преобладают горшки разных вариантов.

Для керамической традиции поселения Мыльниково характерны три модели построения орнаментальной схемы. Для первой, условно названной корчаж-кинской, ведущими мотивами являются: горизонтальная “елочка” (18,5% от всего комплекса); двойной ряд сетки (15,3%); двойной ряд сетки, разделенный чаще всего прочерченными линиями, зигзагом и ямками (табл. 2). Характерны ряды жемчужника по шейке и реже – по верхнему краю венчика и двойной ряд рядов жемчужника. На одном сосуде зафиксировано пять рядов жемчужника. Реже орнаментом служат ряды оттисков косо поставленного штампа. В распределении видов орнамента по зонам устойчивая связь не зафиксирована. Орнамент спускается на плечики со-

* Под керамическим изделием (керамикой) мы имеем в виду глиняную посуду.

Таблица 2. Мотивы орнамента керамики с поселения Мыльниково, %

	0,225		22,68
	4,8		12,1
	5,58		2,1
	2,8		4,99
	12,6		6,03
	3,6		4,95
	6,7		1,3
	10,3		10,08
	15,3		9,09
	3,24		1,89
	15,3		

суда, но редко покрывает 50% его поверхности. Иногда схему завершают подтреугольные фигуры, образованные оттисками штампов разных видов. Характерной чертой первой модели является многорядность, присутствие более восьми – десяти рядов орнамента на одном изделии (рис. 15 – 17). Зона горловины подчеркнута рядом жемчужника или прочерченными линиями. В оформлении сосудов малых форм получила отражение основная орнаментальная схема, но двойной ряд жемчужника заменен отпечатками либо палочками, либо прямо поставленного штампа с рядами сетки или зигзага между ними. Сосуды, украшенные по типу первой модели, чаще имеют “молчановский” венчик. Для данной орнаментальной схемы характерно замещение одного элемента орнамента другим при сохранении цело-

стности декора. Например, в роли чередующихся мотивов выступают прочерченные линии, ряды ямок, жемчужника, которые могут быть замещены рядами отпечатков фигурного штампа (крест) (рис. 18). Ряды сеток могут заменяться рядами горизонтальной “елочки”, зигзага или креста. Разделитель между жемчужником: ямки, крест, подтреугольные вдавления и т.д.

Для второй модели характерны такие же элементы и мотивы, как и для первой, но орнамент сосредоточен в верхней трети сосуда. Зачастую декор ограничен двумя рядами жемчужника, между которыми проходят два ряда сетки или “елочки” или косых отпечатков штампа, иногда разделенных ямками или прочерченными линиями. Во второй модели, как и в первой, присутствуют оттиски крестового штампа (рис. 19). По нашему мнению, вторая модель отражает трансформацию первой и находит аналоги в оформлении керамических комплексов памятников ближнеелбанского этапа большереченской культуры (VII – первая половина VI в. до н.э.) [Шамшин, 1988в, 1989]: Ближние Елбаны-1, Елбанка, Елунинское культовое место.

Третья модель керамического комплекса поселения Мыльниково может быть условно названа “протобийской”, т.к. в основном ее композиция соответствует керамике бийского этапа, по М.П. Грязнову [1956, с. 86, рис. 16; с. 89]. Она характерна для сосудов баночной формы открытого или закрытого типа, которые орнаментированы одним или двумя рядами жемчужника, разделенного чаще всего подтреугольными вдавлениями. Орнаментальное поле между рядами заполнено прочерченными линиями либо разряженной сеткой; иногда композицию завершает ряд подтреугольных вдавлений. Выделяются также небольшие полусферические чашки, орнаментированные прочерченными линиями (рис. 20). Отметим, что изделия с такой схемой оформления немногочисленны, если сравнивать с объемом основного комплекса, и сосредоточивались в кв. У, Ф, Х раскопа I поселения Мыльниково.

В целом для всего керамического комплекса ведущим мотивом в орнаментации является двойной ряд жемчужника с разделителем (22,68%) и без него (10,3%) (см. табл. 2). К основным мотивам декора относятся также одинарный и двойной ряд сетки (12,6 и 15,3% соответственно), горизонтальная “елочка”, выполненная гладким и гребенчатым штампом (15,3 и 3,24% соответственно), зигзаг (8,38%). Жемчужник выстраивался в один или два ряда в верхней части венчика (12,1%) и на горловине сосуда (4,99%). Несмотря на яркое проявление фигурно-штамповой орнаментации, доля ее в комплексе невысока – 4,8%. Орнамент выполнялся с помощью гладкого штампа и прочерчивания. Керамика, украшенная оттисками гребенчатого штампа, составляет 10,08%.

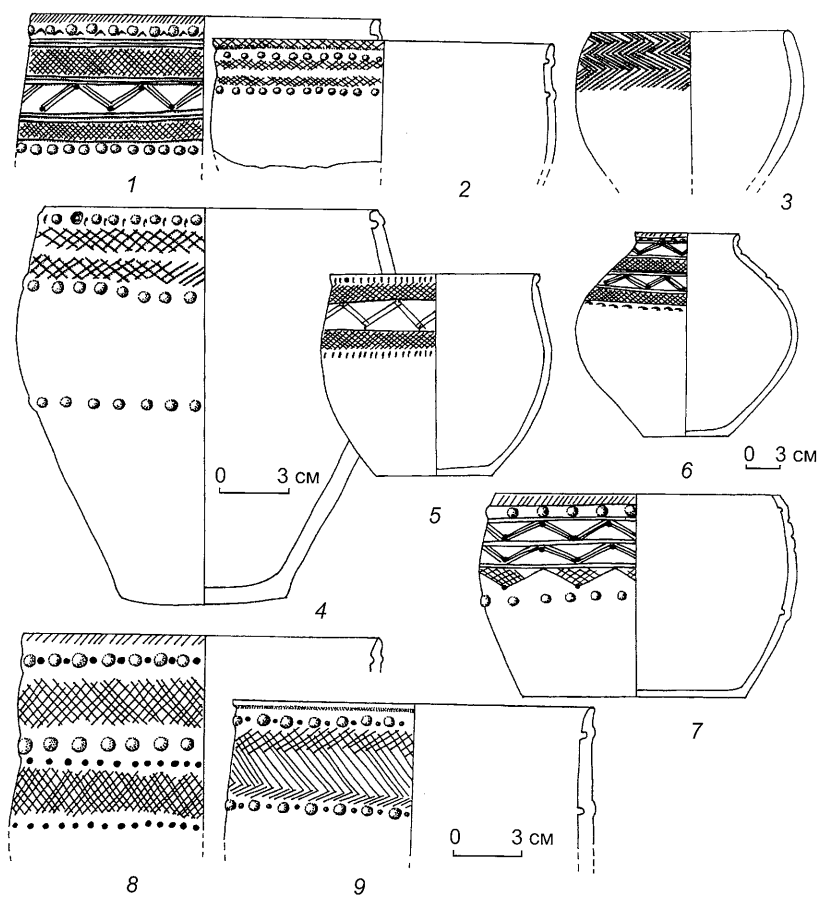

Рис. 15. Керамика с поселения Мыльниково. Первая орнаментальная группа.

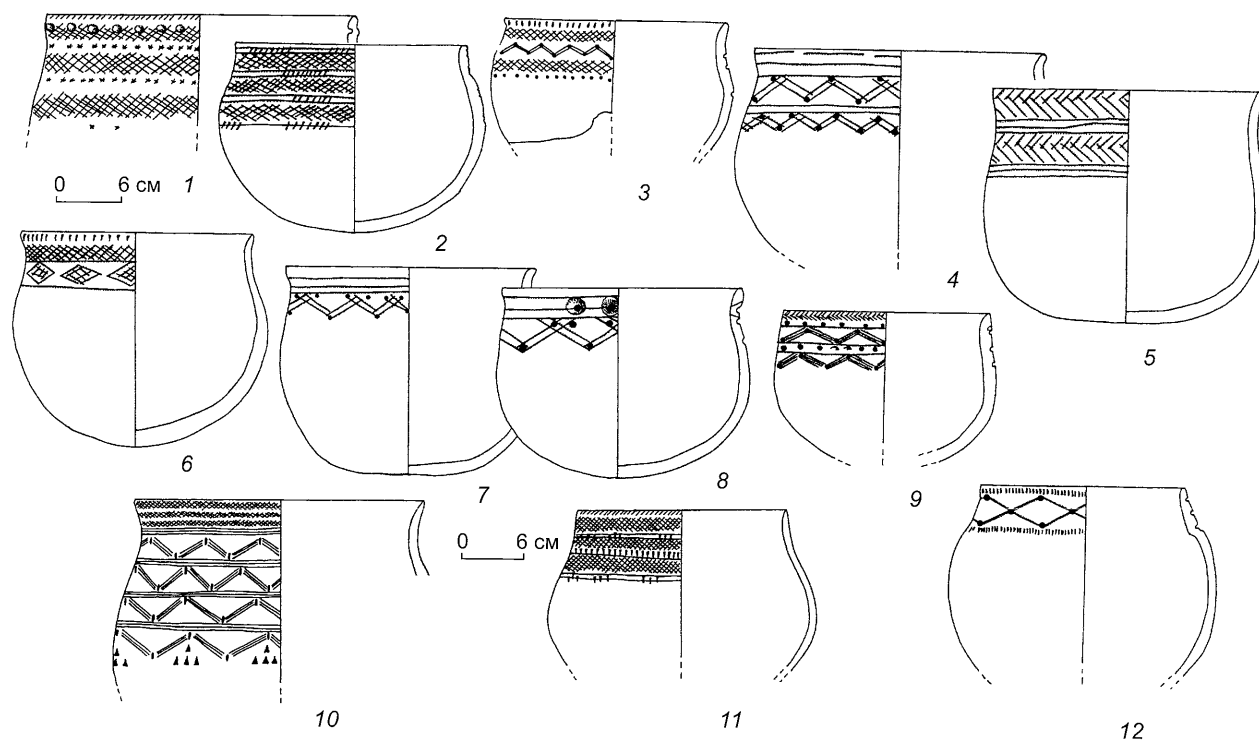

Рис. 16. Керамика с поселения Мыльниково. Первая орнаментальная группа.

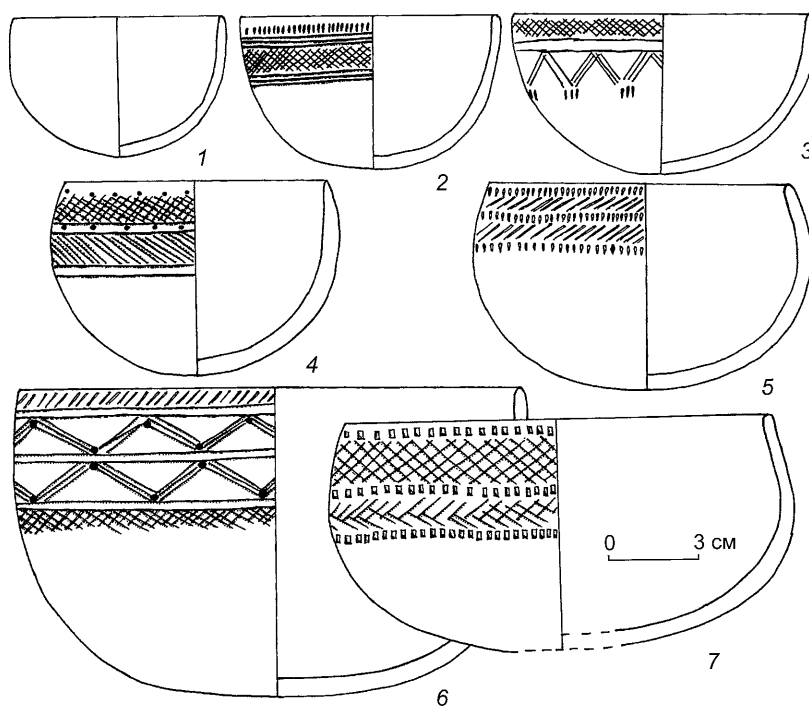

Рис. 17. Керамика с поселения Мыльниково. Первая орнаментальная группа.

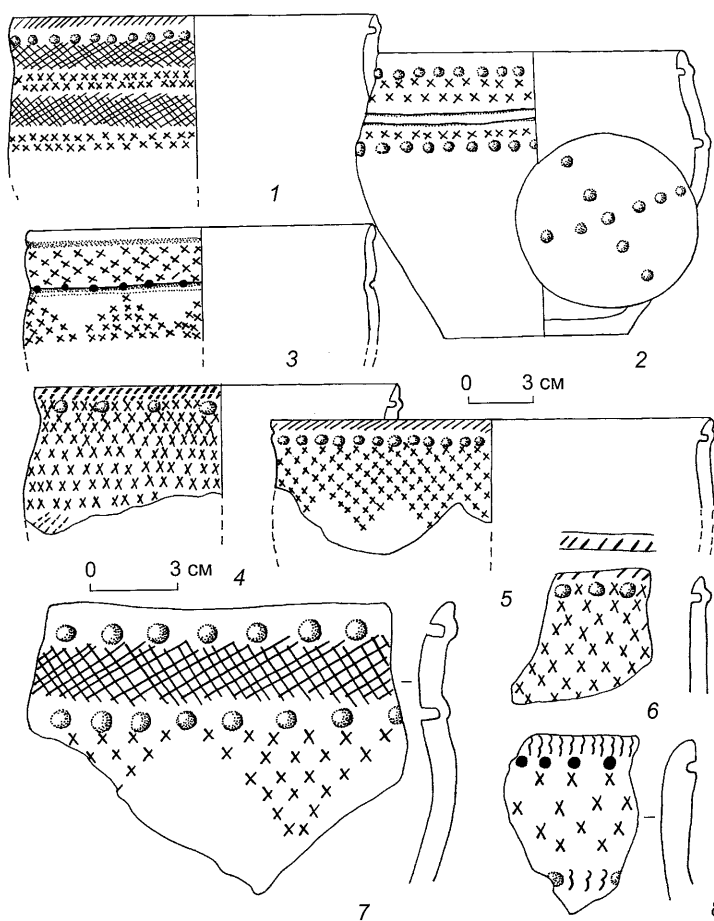

Рис. 18. Керамика с штампово-фигурной орнаментацией с поселения Мыльниково.

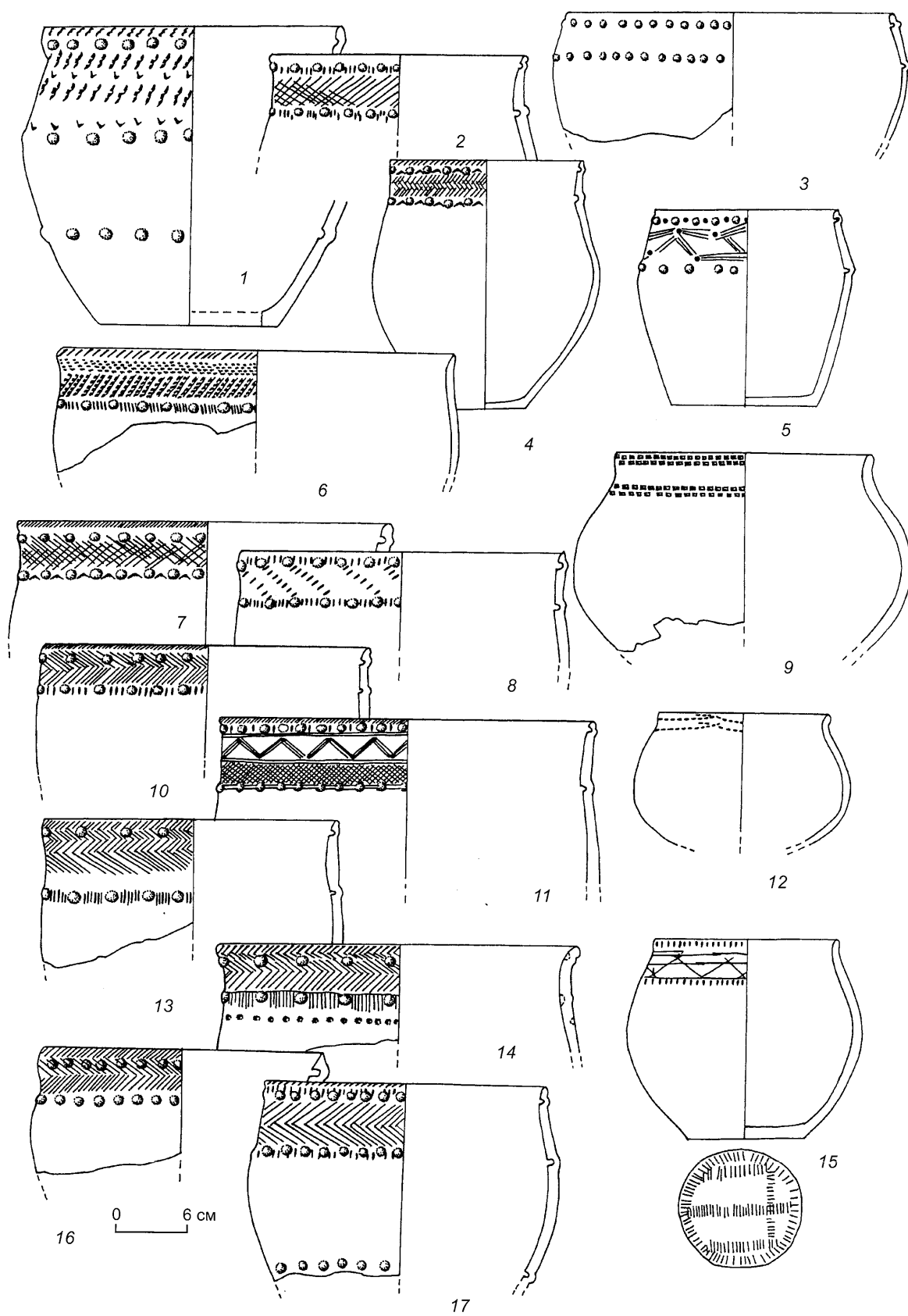

Рис. 19. Керамика с поселения Мыльниково. Вторая орнаментальная группа.

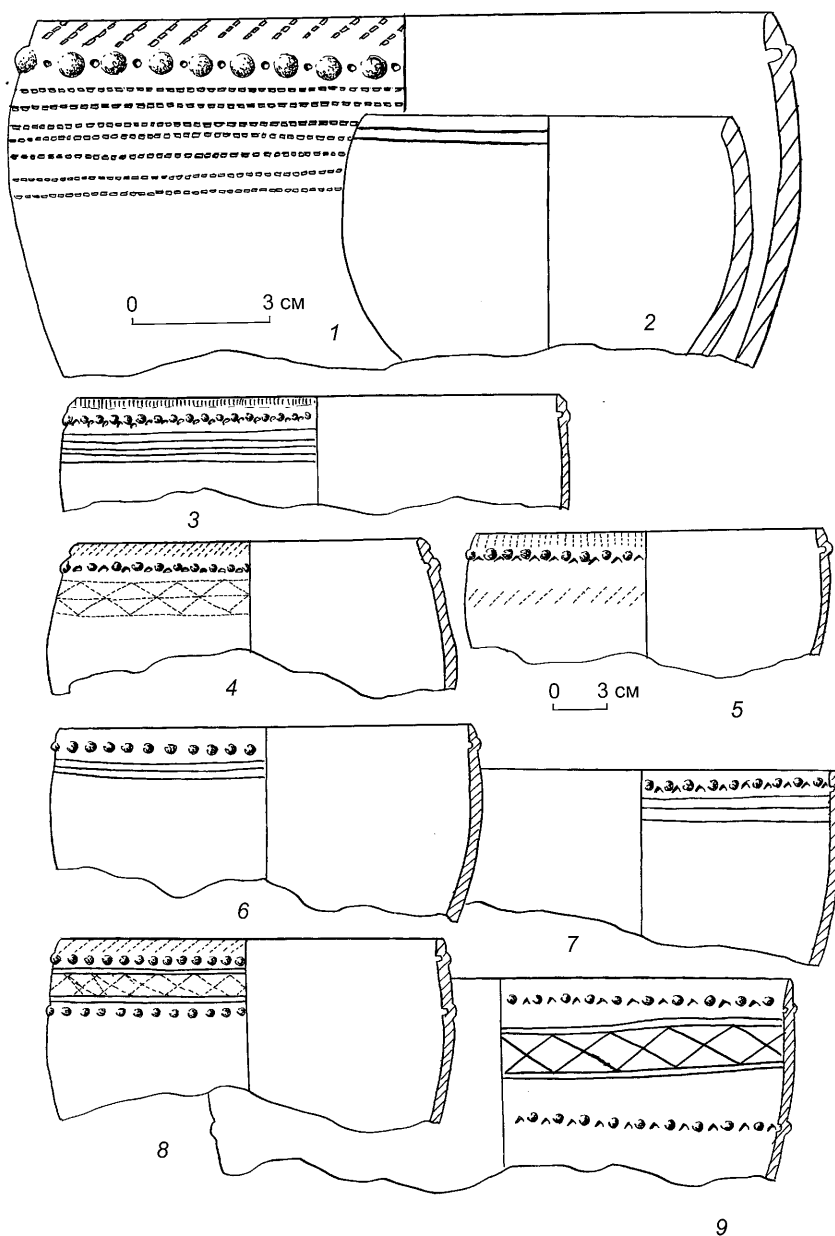

Рис. 20. Керамика с поселения Мыльниково.
Третья орнаментальная группа.

Заключение

Керамический комплекс поселения Мыльниково на сегодняшний день является наиболее представительным среди памятников переходного этапа от бронзы к железу в Верхнем Приобье. Его материалы демонстрируют преемственность орнаментально-технологических традиций эпохи поздней бронзы в переходное время в рассматриваемом регионе. В керамическом комплексе получила отражение, хотя и слабое, инокультурная гончарная традиция: в формовочных массах выявлен рецепт, где одним из компонентов

выступает дробленая порода, а в декоре — элементы фигурно-штамповой орнаментации, характерные для керамики таежной зоны Западной Сибири. Однако оттиски крестового штампа в орнаментальном комплексе поселения Мыльниково представлены нешироко, к тому же они органично вписываются в большереченскую орнаментальную схему (см., напр., рис. 16, 1; 18, 1). Среди находок есть изделия с оригинальной по форме т.н. молчановской горловиной (0,85%) (название “молчановский венчик” само по себе довольно условно, т.к. подобные горловины характерны для сосудов ряда культур переходного времени — собственно молчановской, позднеирменской, реже большереченской, и являются по сути эпохальной чертой и хронологическим индикатором). Представляется, что появление на поселении Мыльниково носителей фигурно-штамповой традиции не повлияло на развитие гончарства. В целом, и в технологии изготовления, и в орнаментации мыльниковской керамики воплотились черты традиции, восходящей к культурам поздней бронзы, прежде всего корчажкинской, что выразилось в преобладании таких видов орнамента, как ряды сетки и отчасти “елочки”, и орнаментальной композиции, основанной на многорядности мотивов и их повторяемости на одном сосуде, наличии горизонтальных поясков-разделителей из ямок и прочерченных линий, а также в декорировании плечиков сосуда. Особенно ярко корчажкинская специфика проявилась в первой модели построения орнаментальной схемы. Что касается ирменского компонента, присутствие которого отражают такие мотивы, как ряды штрихованных треугольников, обращенных вершинами друг к другу, по венчику сосудов либо ряд треугольников, обращенных вершинами вниз, завершающий композицию, а также кувшинообразная форма сосудов, то он на керамике из Мыльниково выражены слабо, хотя технико-технологические особенности улавливаются довольно четко.

Мыльниковский комплекс, по нашему мнению, отражает одну из линий развития культур, существовавших на юге Верхнего Приобья в переходное время и восходящих к культурам эпохи поздней бронзы. Одна из них – большебереченская, связана прежде всего с дальнейшей трансформацией и эволюцией корчажкиско-ирменского субстрата при преобладании в последнем корчажкиских (андроноидных) традиций. Именно к ней относится поселение Мыльниково. Другая, позднеирменская, линия развития, представленная в материалах, например, поселения Малый Гоньбинский Кордон 1/3, расположенного в 20 км на запад от пос. Мыльниково и датированного тем же временем, и поселения Крестьянка IX, находящегося на границе Верхнего Приобья и Кулунды, восходит собственно к ирменскому компоненту в чистом виде и продолжает эту линию развития.

Как уже отмечалось, использование фигурно-штамповой орнаментации не разрушает орнаментальную схему мыльниковского керамического комплекса, а органично в нее вписывается: оттиски фигурного штампа замещают традиционные элементы орнамента, но не создают новых композиций или мотивов. Это свидетельствует об отсутствии у жителей поселения Мыльниково устойчивых культурных связей с обитателями северных территорий [Папин, Шамшин, 1998; Папин, 2002а, б] и опосредованности этих контактов, что отчасти подтверждается материалами Бобровского грунтового могильника. В его керамическом комплексе представлены немногочисленные изделия с крестовой орнаментацией, но в антропологических материалах северный низколицый монголоидный компонент не выявлен [Тур, 2001].

Сначала поселение Мыльниково наряду с другими (Быстрянский Кордон, Томский могильник, городище Березовка, могильник Елбань, поселение Бобровка) было отнесено М.П. Грязновым к большебереченскому этапу одноименной культуры верхней Оби [1956, с. 69]. После открытия объектов Завьялово I, V исследователи выделили завьяловскую культуру, материалы которой отличаются от комплексов Ближние Елбаны, но близки памятникам эпохи поздней бронзы [Троицкая, 1968, 1970, 1972]. Впоследствии поселение Ближние Елбаны I и грунтовые могильники Ближние Елбаны VII, XII, XIV были отнесены к завьяловской культуре [Троицкая, Зах, Сидоров, 1989, с. 108 – 109]. Таким образом, большебереченский этап большебереченской культуры (по М.П. Грязнову) и завьяловская культура (по Т.Н. Троицкой) характеризуются практически одними и теми же памятниками (БЕ I, VII, XII, XIV, Томский могильник, Завьялово I, V, Линево I). По сути это означает признание разными исследователями существования в переходный период единой культуры на верхней Оби, в рамках которой и следует рассматривать поселение Мыльниково.

Отметим также, что наличие трех моделей в построении орнаментальной схемы вместе с другими показателями свидетельствует о довольно длительном существовании этого поселения.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т.** Памятники бийского этапа на Верхней Оби // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Алт. ун-т, 1993. – С. 51 – 56.
- Абдулганеев М.Т., Алехин Ю.П., Иванов Г.Е., Кунгуров А.А., Кунгурова Н.Ю., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф., Талантаев С.Н., Тарасенко В.А., Шамшин А.Б., Шульга П.И.** Работы Алтайского университета // АО 1986 года. – М.: Наука, 1988. – С. 202 – 206.
- Арсланова Ф.Х.** Погребальный комплекс VIII – VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. – С. 46 – 60.
- Арсланова Ф.Х.** Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Уфа; Челябинск: Баш. ун-т, 1983. – С. 119 – 126.
- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы (источники и методы изучения). – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бокоренко Н.А.** Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 18 с.
- Вишневская О.А.** Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII – V вв. до н.э. – М.: Наука, 1973. – 160 с.
- Генинг В.Ф.** Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114 – 136.
- Генинг В.Ф.** Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. – Киев: Наук. думка, 1992. – 188 с.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С.** Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Том. ун-т, 1970. – С. 12 – 52.
- Городцов В.А.** К вопросу о киммерийской культуре // Тр. секции археол. Рос. ассоциации науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. – М., 1928. – Т. 2. – С. 10 – 54.
- Грязнов М.П.** Древняя бронза Минусинских степей // Тр. отд. первобыт. культуры Гос. Эрмитажа. – Л., 1941. – Т. 1. – С. 237 – 271.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. – 1956. – № 48. – 256 с.
- Грязнов М.П.** Аржан. – Л.: Наука, 1980. – 63 с.
- Грязнов М.П.** Алтай и Приалтайская степь // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 161 – 182.
- Збруева А.В.** История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 300 с. – (МИА; № 30).
- Иванов Г.Е.** Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культуры древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Алт. ун-т, 1993. – С. 55 – 62.

Иванов Г.Е. Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1995. – 28 с.

Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Алт. ун-т, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – 231 с.

Киришин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Алт. ун-т, 1987. – С. 137 – 158.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Наука, 1951. – 638 с.

Комарова М.Н. Томский могильник – памятник истории древних племен лесной полосы Верхней Оби // МИА. – 1952. – № 24. – С. 7 – 50.

Кубарев В.Д. Росписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. ун-т, 1990. – С. 31 – 55.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. – 1966. – Вып. В 4 – 9. – 150 с.

Кулемзин А.М. Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: Кемеров. ун-т, 1976. – С. 43 – 56.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 336 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Озарбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – 436 с.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенов А.А., Лебедева Л.М. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Археология и радиоуглерод ^{14}C . – СПб., 1996. – Вып. 1. – С. 24 – 32.

Матвеев А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // СА. – 1986. – № 2. – С. 56 – 69.

Мжельская Т.В. Керамические комплексы городища Завьялово-5 и поселения Мыльниково как отражение культурно-исторических процессов на территории Верхнего Приобья в переходное время от бронзового века к железнному: Дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002а. – 161 с.

Мжельская Т.В. Керамические комплексы городища Завьялово-5 и поселения Мыльниково как отражение культурно-исторических процессов на территории Верхнего Приобья в переходное время от бронзового века к железнному: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002б. – 25 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 126 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шневайс Й., Бекер Х., Фассбиндер Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балкова Е.В. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича I в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российско-Германской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 104 – 127.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шневайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бекер Х., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской степи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 238 с.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 199 с.

Папин Д.В. Проблемы трансформации позднебронзовых культур в переходное время от эпохи бронзы к раннему железнному веку на Верхней Оби // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002а. – Кн. 1, ч. 1. – С. 206 – 208.

Папин Д.В. Значение северных орнаментальных традиций в формировании культур переходного времени от эпохи бронзы к раннему железнному веку // Северный археологический конгресс: Тез. докл. – Екатеринбург: Изд-во Академкнига, 2002б. – С. 66 – 68.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железнному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 85 – 109.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 168 с. – (МИА; № 101).

Тишкин А.А., Медникова Э.М. Некоторые изделия с городища Елбаны // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Алт. ун-т, 1993. – Ч. 1. – С. 133 – 136.

Троицкая Т.Н. Поселение VII – VI вв. до н.э. у с. Завьялово Новосибирской области // КСИА. – 1968. – Вып. 114. – С. 99 – 104.

Троицкая Т.Н. О культурных связях Новосибирского Приобья в VII – VI вв. до н.э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. – С. 150 – 163.

Троицкая Т.Н. Новосибирское Приобье в VII – VI вв. до н.э. // Вопросы археологии Сибири. – 1972. – Вып. 38. – С. 3 – 35.

Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железнного веков. – Тюмень: Тюм. ун-т, 1989. – С. 103 – 116.

Труфанов А.Я. О специфике миграционных процессов в пределах гамаюно-молчановской общности // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Алт. ун-т, 1994. – С. 84 – 87.

Тур С.С. Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железнному веку (VIII – VII вв. до н.э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. ун-т, 2001. – С. 67 – 82. – (Изд. лаборатории археологии; № 7).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской эпохи. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пушкин. науч. центр РАН, 1994. – 170 с.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. – М.: Б.и., 1997. – 98 с.

Шамшин А.Б. Работы Приобского отряда Алтайской экспедиции // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 250 – 251.

Шамшин А.Б. Работы в Алтайском Приобье // АО 1984 года. – М.: Наука, 1986а. – С. 207.

Шамшин А.Б. Поселение Мыльниково – памятник финальной бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. к конф. – Барнаул: Алт. ун-т, 1986б. – С. 100 – 102.

Шамшин А.Б. Новые памятники эпохи поздней бронзы и переходного времени в Барнаульско-Бийском Приобье // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987а. – С. 38 – 40.

Шамшин А.Б. Работы в лесостепном Алтайском Приобье // АО 1985 года. – М.: Наука, 1987б. – С. 294.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII – VI вв. до н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1988а. – 16 с.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII – VI вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1988б. – 16 с.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. к конф. – Барнаул: Алт. ун-т, 1988в. – С. 111 – 115.

Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII – VI вв. до н.э.) // Западно-сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Тюм. ун-т, 1989. – С. 116 – 129.

Magetti M. Phase analysis and its significance for technology and origin // Archaeological ceramics. – Wash., 1982. – P. 130 – 131.

Материал поступил в редколлегию 3.03.03 г.

РОЛЬ ТКАНИ И ТКАНОЙ ОДЕЖДЫ В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ ОБСКИХ УГРОВ

Введение

В литературе, посвященной культуре обских угров, преобладает мнение, что применение ткани – явление более позднее, чем использование мехов, например, для одежды [Карьялайнен, 1995, с. 59; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 146; Федорова, 1994, с. 205; Гемуев, Бауло, 2001, с. 24; Бауло, 2002, с. 66; и др.]. Однако неоднократно высказывались и противоположные точки зрения. Идея о значительной роли полотна и необходимости разработки вопроса о соотношении меха и текстиля в традиционной одежде хантов принадлежит Я. Кодоланьи младшему (см.: [Лукина, 1985, с. 148]). Н.Ф. Прыткова отмечала традиционное применение крапивного холста в изготовлении рубах и распашной одежды хантов и манси [Прыткова, 1953]. Н.В. Лукина поддержала тезис об исконных, не заимствованных традициях изготовления тканей и использования их на одежду у хантов, подчеркнув это общими обско-угорскими (финно-угорскими?) названиями грубых тканей из растительных, а возможно, и шерстяных волокон, а также ссылками на материалы еловских могильников конца II – начала I тыс. до н.э., свидетельствующие о том, что уже в то время применяли нити из дикой конопли. Ткачество у хантов и развитые формы ткацкого станка она связывает с финно-угорскими, а не татарскими традициями [Лукина, 1985, с. 152 – 154], как это делал У.Т. Сирелиус [1906], а вслед за ним А.А. Попов [1955]. Е.Г. Федорова поддержала позицию Н.В. Лукиной на основе характеристики материальной культуры манси [Федорова, 1994], А.А. Богордаева – на примере одежды хантов [2001]. Вероятно, одной из причин установившегося взгляда на первоначальное использование для одежды меха

стали записи путешественников XVII – XVIII вв. и исследователей XIX – XX вв., отмечавших применение рыбьих и звериных шкур: “Первоначально ханты шили одежду из шкур и рыбьих кож и умение прясть приобрели от южных соседей – татар” [Изделия остяков..., 1911, с. 58 – 59]; “Еще 50 – 60 лет назад остяки одевались исключительно в звериные шкуры и меха” [Старцев, 1928, с. 29]. Особенно известны материалы Г. Новицкого, которые использовали С.К. Патканов [1999, с. 51] и другие исследователи XIX – XX вв. Видимо, права была Н.Ф. Прыткова, подробно рассмотревшая одежду хантов и способы ее изготовления, когда попыталась объяснить исключительный интерес путешественников XVII – XVIII вв. тем, “что материал, из которого была сшита эта одежда, встретился им впервые и привлек их внимание своей оригинальностью” [1953, с. 124]. Несмотря на то что, например, Г. Новицкий наряду с одеждой из рыбьих кож и шкур описывает и одежду из ткани (сукна, холста, камки), всех наиболее заинтересовало применение экзотических материалов. На взгляды исследователей могла повлиять и работа У.Т. Сирелиуса [1905, 1906], где была высказана гипотеза о заимствовании ткацкого станка. К этому можно добавить, что люди, оставившие описания одежды остяков и вогулов, как правило, были мужчинами, по роду своей профессии не имевшими отношения ни к ткачеству, ни к изготовлению одежды. Поэтому некоторые их сведения могут быть не совсем точны.

Итак, перед нами вопрос явно дискуссионный. Конечно, решить его окончательно очень сложно, т.к. еще однозначно не решены проблемы угорского этногенеза, информацию людей XVII – начала XX в. сложно проверить и основательно подвергнуть кри-